

²⁶ См.: Орлов А. С., Кожанов В. П. Ленд-лиз: взгляд через полвека; Бутенина Н. 60 лет ленд-лизу; Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР; Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997; Харламов С. Промышленный и сельскохозяйственный ленд-лиз.

²⁷ См.: Харламов С. Промышленный и сельскохозяйственный ленд-лиз; Орлов А. С., Кожанов В. П. Ленд-лиз: взгляд через полвека; Паперно А. Х. О ленд-лизе и тихоокеанской транспортной эпопее.

²⁸ См.: Соколов Б. В. Роль ленд-лиза в советских военных усилиях, 1941–1945.

²⁹ См.: Орлов А. С., Кожанов В. П. Ленд-лиз: взгляд через полвека; Бутенина Н. 60 лет ленд-лизу.

³⁰ См.: Ярославцев В. Алсиб соединял континенты.

³¹ См.: Бутенина Н. 60 лет ленд-лизу.

³² См.: Соколов Б. В. Роль ленд-лиза в советских военных усилиях. С. 166.

³³ См.: Орлов А. С., Кожанов В. П. Ленд-лиз: взгляд через полвека. С. 184.

³⁴ См.: Котельников В. Р. Авиационный ленд-лиз. С. 225–226; Бургенер Р. Д. Как сражались «Каталины» // Эхо планеты. 1995. № 32. С. 34–36.

³⁵ См.: Котельников В. Р. Британские летчики в небе Великой Отечественной // Вопр. истории. 1995. № 4. С. 147–148.

³⁶ См.: Паперно А. Х. О ленд-лизе и тихоокеанской транспортной эпопее; Паперно А. Х. Ленд-лиз. Тихий океан.

³⁷ См.: Котляров А. Ю. Особое задание. С. 28–34; Котельников В. Р. Авиационный ленд-лиз. С. 223–227; Ярославцев В. Алсиб соединял континенты.

³⁸ См.: Френкель М. Ю. Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941–1945 гг. С. 42–50.

³⁹ См.: Паперно А. Х. О ленд-лизе и тихоокеанской транспортной эпопее; Он же. Ленд-лиз. Тихий океан.

⁴⁰ См.: Паперно А. Х. Ленд-лиз. Тихий океан; Он же. О ленд-лизе и тихоокеанской транспортной эпопее; Ярославцев В. Алсиб соединял континенты; Сахун П. И. Ленд-лиз: дела и люди; Орлов А. С., Кожанов В. П. Ленд-лиз: взгляд через полвека.

А. В. Антошин

Советская экономика в послевоенный период: взгляд российской эмиграции

Российская эмиграция – феномен, который давно привлекает внимание исследователей. Однако эмиграция интересна не только тем, что сделала попытку создать альтернативную Россию – русское зарубежье, но и тем, что она всегда пристально вглядывалась в процессы, протекавшие в Советской России и СССР, анализиру-

вала их. «Образ СССР», созданный эмигрантами, бесспорно, представлял собой субъективное изображение советской реальности. Тем не менее, несмотря на неполноту источниковой базы исследований эмигрантов, многие их положения активно использовались в западной советологии, оказывают существенное влияние на современную отечественную историографию истории СССР.

Переломным событием как мировой, так и отечественной истории XX в. стала Вторая мировая война. Начавшаяся после нее «холодная война» была явлением, определявшим международные отношения в мире в течение многих лет и одновременно внушавшим антисоветской эмиграции надежды на скорое падение коммунистического режима. От развития советской экономики и социальных отношений зависело, выдержит ли СССР гонку вооружений. Именно поэтому российские эмигранты уделяли пристальное внимание вопросам социально-экономического развития СССР в послевоенный период.

Особенно подробно анализировали состояние послевоенной экономики СССР члены Заграничной делегации РСДРП, продолжавшие издавать «Социалистический вестник». Главным специалистом среди бывших меньшевиков по экономическим вопросам после войны был С. Шварц. На основе анализа плановых показателей роста хлопчатобумажной и шерстяной промышленности он делал вывод о том, что дисбаланс в развитии советской экономики, существовавший до войны, сохранится – производство товаров народного потребления вновь будет отставать, причем это сознательное, заложенное в плане отставание связано с гонкой вооружений¹.

После войны продолжала оставаться актуальной, по мнению социал-демократов, и одна из главных проблем советской экономики – низкая производительность труда. Указывая на то, что это является важнейшим показателем прогрессивности экономической системы, Р. Абрамович отмечал восьмикратное превосходство США над СССР в этой области².

В первые послевоенные годы особенно тяжелое положение сложилось в советском сельском хозяйстве, страдавшем от низких закупочных цен на свою продукцию, отсутствия государственных инвестиций. В 1947 г., стремясь внушить населению надежду

на скорое улучшение ситуации, правительство объявило о больших масштабах нового урожая. Однако С. Шварц на страницах «Социалистического вестника» доказывал, что советская статистика значительно преувеличивает размеры урожая 1947 г., который реально можно оценить как «скромный»³.

Вместе с тем предпринимаемые советским руководством после войны реформы в сельском хозяйстве оценивались эмигрантами в первую очередь как новые шаги на пути усиления государственной эксплуатации крестьянства. Именно этой цели служило, по мнению эмигрантов, создание сети временных оросительных каналов вместо постоянных, так как отныне само существование крестьянства в ряде районов находилось в руках государства⁴. Укрупнение колхозов в начале 1950-х гг., считали они, также проводилось для того, чтобы «поставить во главе колхозов надежных людей, по преимуществу из партийцев, усилить ограбление колхозников во всех колхозах и ближе подойти к уравниванию крестьянства в тягле на государство и в нищете». Задача же создания животноводческих хозяйств, по мнению эмигрантов, относилась к числу второстепенных⁵. Вывод эмигрантов об усилении эксплуатации деревни в конце 1940-х – начале 1950-х гг. находит подтверждение и в работах современных российских историков, которые именно с этим связывают наступление пика социального протеста в виде «пассивного противодействия» крестьян политике власти (неуплата сельхозналога, отказ от отработки трудодней и т. д.)⁶.

Логическое завершение сталинская политика в отношении деревни нашла в последних статьях вождя перед XIX съездом партии, где, как указывал Р. Врага, господствовала установка на «окончательное закабаление крестьянства»⁷.

Однако в эмиграции высказывалось и мнение о противоречивости теоретических положений, составлявших так называемое политическое завещание Сталина. Отмечалось, что в статьях И. В. Сталина перед XIX съездом партии выражалось отрицательное отношение вождя к форсированному уничтожению различий между городом и деревней (проект создания агрогородов), а также к окончательному превращению колхозников в сельскохозяйственных рабочих (возможно, из опасения, что это приведет к массовому забою скота)⁸.

Характеризуя ситуацию в советских городах в первое послевоенное десятилетие, эмигранты прежде всего стремились подчеркнуть низкий уровень жизни рабочих и служащих. Так, С. Шварц заявлял, что средний заработок советского рабочего ниже, чем у его американского коллеги, «приблизительно в 10 раз или больше». На основании сложных подсчетов он же пытался сопоставить и уровень цен на основные продукты питания в СССР и США. Сравнение оказывалось не в пользу нашей страны: булка хлеба, в частности, стоила 50 минут работы советского промышленного рабочего. Аналогичный показатель для США, по подсчетам С. Шварца, был меньше почти в 4 раза⁹.

Одними из важнейших мероприятий для улучшения ситуации советским руководством провозглашались денежная реформа 1947 г. и отмена карточек. Правительство заявляло, что денежная реформа была проведена в интересах основной массы населения, а пострадать от нее может лишь узкий слой спекулянтов. Эмигранты иначе оценивали результаты реформы. По их мнению, в городах от реформы в первую очередь страдали «низшие слои рабочих и служащих», сбережения которых были так невелики, что они держали их дома, а не в сберегательных кассах. Сильнейший удар нанесла реформа и по крестьянству, которое в массе своей держало деньги в «бессмертной крестьянской кубышке».

Анализируя отмену карточной системы, С. Шварц заявлял, что это мероприятие было проведено преждевременно, так как существовал дефицит мяса, масла, молока, промтоваров и т. д.¹⁰ Впрочем, по нашему мнению, здесь член Заграничной делегации РСДРП руководствовался политическими соображениями: за месяц до этого он сам же писал о том, что народ ждет отмены карточек, и упрекал в медлительности с проведением этой меры советское руководство¹¹.

Результатом развития советского общества ко времени смерти И. В. Сталина было, по мнению эмигрантов, «резко обозначающееся классовое расслоение». Даже анализ вкладов в сберегательных кассах убеждал в том, что пропасть между «новыми богатыми» и бедными расширялась¹².

После смерти И. В. Сталина советское руководство впервые за долгие годы обратило пристальное внимание на тяжелейшее положение, сложившееся в сельском хозяйстве. Были повышены

закупочные цены на сельхозпродукцию, введено авансирование колхозников в производственном процессе, несколько снижены налоги на сельское хозяйство и т. д. Однако российская эмиграция, отмечая необходимость этих мер, подчеркивала их обусловленность исключительно интересами государства. Так, известный историк Б. И. Николаевский заявлял, что у Н. С. Хрущева «никогда не было и нет искреннего интереса к судьбам колхозного крестьянства». Его внимание к деревне было вызвано не заботой об «угнетенном слое народа», а необходимостью радикальных мероприятий по поднятию сельского хозяйства как обязательного условия общего подъема советской экономики. Б. И. Николаевский также указывал на то, что главная цель политики Н. С. Хрущева — создание и укрепление в деревне крепкого слоя организаторов хозяйственного процесса, активизация работы сельских партийных организаций¹³. Современный исследователь М. А. Безнин также отмечает, что эти меры позволили Н. С. Хрущеву создать новый экономический механизм, который должен был обеспечить ориентацию крестьян в основном на колхозное производство¹⁴.

Эмигранты признавали, что Н. С. Хрущеву путем увеличения материальной заинтересованности колхозников удалось добиться роста объема сельхозпродукции. Постепенно происходило обогащение отдельных колхозов и повышение уровня жизни колхозников. Однако развитие реформы к концу 1950-х гг. стало представлять опасность для режима, вследствие чего правительство более активно стало проводить политику по усилению государственного контроля над сельским хозяйством. Эмигрантский публицист А. Угрюмов подчеркивал в связи с этим, что закупочные цены на продукцию сельского хозяйства продолжали оставаться заниженными¹⁵. Исследования современных отечественных историков (в частности, изучение материалов бюджетных обследований колхозников) подтверждают вывод эмигрантов о сохранении неэквивалентности в оплате труда сельских тружеников, их невысоком жизненном уровне¹⁶. К тому же линия на сокращение размеров личных хозяйств колхозников, проводимая Н. С. Хрущевым, превратила крестьян в «рабочих с огородом»¹⁷.

При этом все структурные преобразования в деревне (реорганизация колхозов в совхозы, создание общественных огородов и пекарен и т. д.) рассматривались эмигрантами как шаги по пути

усиления государственной эксплуатации крестьянства¹⁸. Вместе с тем ликвидация МТС представлялась им разумной мерой, направленной на ликвидацию «нелепого положения, при котором на колхозном поле было 2 хозяина».

Однако многочисленные административные преобразования Н. С. Хрущева в сельском хозяйстве не приносили желаемого результата. Уже к началу 1960-х гг., указывал эмигрант А. И. Натов, произошло снижение объемов государственных заготовок хлеба¹⁹. Усиление государственного контроля над колхозной собственностью лишь усугубляло проблемы советской деревни.

Российские эмигранты стремились подчеркнуть, что и в промышленности «хрущевское десятилетие» не принесло серьезных положительных сдвигов. Уже придя к власти после отстранения Г. М. Маленкова, указывал эмигрант А. Байкалов, Н. С. Хрущев взял курс на сохранение приоритета в развитии тяжелой промышленности, в первую очередь связанной с военно-промышленным комплексом. Легкая промышленность вновь была отодвинута «на задний план», диспропорции в индустриальном развитии СССР сохранялись²⁰.

Именно такая отрасль советской экономики, как легкая промышленность, в наибольшей степени страдала от устаревшего станочного парка, низкого уровня автоматизации. Одновременно для машиностроения был характерен большой перерасход металла из-за недостаточного выпуска нужных сортов проката и листовой стали. Увеличивалось отставание СССР от США по производству электроэнергии. Низким был и технологический уровень советской энергетики, что вызывало интерес к Западу как к источнику для получения технологий²¹. По мнению эмигрантов, главными причинами такой ситуации в советской промышленности были отсутствие частной инициативы, ведомственная централизация и бюрократизация. Вследствие этого экономика СССР была менее динамична, а следовательно, недостаточно восприимчива к новым тенденциям в развитии научно-технического прогресса, наметившимся уже в первой половине 1960-х гг.²²

В этих условиях административные реформы Н. С. Хрущева, направленные на частичную децентрализацию (в частности, создание совнархозов), не спасали положение. Как отмечал позднее

эмигрант Б. А. Ротенбург, «нет хозяина – вот причина экономической несостоятельности. Бесполезно заниматься сокращением лестницы чиноподчиненности, децентрализацией и т. п. реорганизаций, форма при этом меняется, но социально-экономический смысл остается таким, как был. Совнархозы с их децентрализацией только увеличили число людей, занятых в аппарате управления»²³.

Эмигрантами была проанализирована еще одна реформа Н. С. Хрущева – разработка 7-летнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг. Прежде всего они стремились доказать, что вопреки заверениям официальной советской пропаганды темпы развития экономики по этому плану ниже, чем в плане 6-й пятилетки. Иными словами, даже его выполнение не позволило бы создать материально-техническую базу для строительства коммунизма. Одновременно отмечалось, что упор в 7-летнем плане делается на развитие тяжелой промышленности, что увеличивало дисбаланс в структуре советской экономики²⁴.

Основная масса эмигрантских публицистов оценивали как крайне низкий жизненный уровень советских рабочих в период «хрущевского десятилетия». Так, П. Михалевский заявлял, что реальная заработная плата американского рабочего в этот период в 6 раз превышала заработок советского рабочего. Следствием этого было недовольство рабочего класса в СССР коммунистическим режимом, что также постоянно подчеркивалось эмигрантами. По их данным, в конце 1950-х гг. по СССР прокатилась волна рабочих беспорядков, часто случались забастовки (Иркутск, Кронштадт, Подольск, Харьков, Якутск, Ярославль). Эмигрантская пресса заявляла, что встречались случаи отказа солдат стрелять в рабочих²⁵.

Между тем в монархической прессе встречался и иной взгляд на проблему взаимоотношений власти и рабочего класса в Советском Союзе. Эмигрантами отмечалось создание в среде рабочих привилегированных прослоек, что, по их мнению, исключало возможность использовать значительную часть рабочих в борьбе против коммунистического режима²⁶.

Обострение социальных проблем в советском обществе в 1970-е гг. не прошло без внимания эмиграции. Изображение негативных явлений окончательно стало основной темой большинства исследований, посвященных СССР. Так, например, характеризовал ны-

нешнее состояние своей родины старый эмигрант Б. А. Ротенбург: «Алкоголизм растет. Продолжительность жизни падает. Рождаемость в России уменьшается»²⁷. Ему вторил эмигрант второй волны крестьянин Ф. Кострыкин, который в письме А. И. Солженицыну в 1979 г. восклицал: «Для чего России нужна была революция? И что от этого народ имеет? Чтобы жить в рабстве? И променять изобилие мяса на собачий паек? И стоять по ночам в очередях за костями?»²⁸

Вместе с тем в работах эмигрантов встречаются и попытки более глубокого анализа советской экономики 1970-х гг. Так, А. А. Зиновьев указывал на то, что «для предприятий в коммунистическом обществе нет необходимости быть рентабельными экономически, достаточно быть социально оправданными». Социальная же эффективность советской экономики, на его взгляд, была налицо: способность существовать без безработицы, сравнительно легкие условия труда и т. д.²⁹

Характеризуя взгляд эмигрантов на социально-экономическое развитие СССР в послевоенный период, нельзя обойти вниманием еще один вид исторического источника. В 1950–1970-е гг. для эмигрантов расширились возможности посещения своей когда-то покинутой Родины в качестве иностранных туристов. Путевые заметки, дневники, воспоминания об этом, составленные людьми самых разных профессий и политических убеждений, представляют собой интересное восприятие ситуации в СССР.

У многих эмигрантов от туристических поездок в Советский Союз оставались негативные впечатления. Характерны записки В. Запольского о поездке 1977 г. В первую очередь его неприятно удивил уровень сервиса: помещение гостиничного буфета «неопрятно, плохо убрано», дефекты в номерах. Аналогичные воспоминания остались и от поезда, в котором он направлялся на Северный Кавказ: старое постельное белье, грязная дорожка в коридоре. Приехав на Северный Кавказ, он также обнаружил «на всем отпечаток беспхозяйственности, нерадения и обезличенности». Даже сами советские люди вызывали у него неприятные ощущения: женщин в гостинице Интуриста он характеризовал как «грубых и вульгарных»³⁰.

Вместе с тем встречались и свидетельства иного рода. Так, эмигрант первой волны Р. Е. Долинский, посетивший СССР в 1966 г.,

отмечал: «С эрой Хрущева произошло, действительно, некоторое облегчение. И у людей создается впечатление, что у них есть свобода личности». СССР первых постхрущевских лет, описанный Р. Е. Долинским, значительно отличается от образа Советского Союза конца 1970-х гг., который был представлен в записках В. Запольского. Так, Р. Е. Долинского приятно поразил внешний облик советской столицы: «Поражает в Москве чистота. Москва, несомненно, одна из самых чистых столиц Европы». Самые приятные воспоминания остались у старого эмигранта и от советских людей: «Особенно бросается в глаза вежливость и готовность помочь со стороны молодежи в метро и в автобусах. Матерям с детьми и женщинам, ожидающим ребенка, сейчас же уступают места. Были времена, когда и у нас молодежь была такая чуткая»³¹.

Непредвзятый характер носят и воспоминания о пребывании в СССР в середине 1960-х гг. Д. Горбацевича, бывшего деревенского пастуха, уехавшего в США на заработки из Российской империи еще в 1913 г. Он рисует сложный, противоречивый образ Советского Союза в переломный момент его развития. С одной стороны, наблюдая жителей родной Белоруссии, он отметил, что, «судя по румяным, полным лицам», им «хватает жиров для питания». Обнаружил он и отсутствие проблемы нехватки кормов для животноводства: «Молочным буренушкам, телятам и поросятам даются все блага жизни – их хорошо кормят и регулярно поят». Бывший пастух не мог не отметить и еще одно положительное изменение в жизни советской деревни: «Все деревни в Белоруссии давно электрифицированы»³². Указал Д. Горбацевич и на такие достижения СССР, как бесплатное образование, здравоохранение, дешевые лекарства. Более того, он заявил, что по уровню образования «СССР и Белоруссия, в частности, встали в уровень (если еще не обогнали) с США и всем культурным миром».

В то же время Д. Горбацевич подверг резкой критике бюрократизацию управления аграрным сектором в СССР, которая приводила к бесхозяйственности, нерациональному использованию ресурсов, исчезновению у крестьянина «чувства хозяина». Он отмечал, что для совхозов характерны «слабый контроль, воровство, расточительство». Огромные площади оказываются заброшенными, так как «даром никто не хочет работать, а государственные

средства тратятся совсем не на цели культивирования запущенной колхозной земли». Сам в прошлом сельский труженик, Д. Горбачевич с горечью писал: «Крестьянина обидели. Создав колхозы и совхозы, у него отняли инициативу, душу, превратив в автомата без порыва, стремления устроить свою жизнь по-человечески. Крестьянин стал простым винтиком государственной бюрократической машины»³³. Итогом этого положения стало то, что «пьянство широкой волной разлилось в Советском Союзе».

Бывший пастух не мог не заметить того, что основную массу населения в СССР по-прежнему отделяет пропасть от узкой группы бюрократии: «В деревне избавились от помещиков, кулаков, но вместо них появилась новая советская буржуазия, бюрократы, всевозможные опекуны, надзиратели. Вся эта знать живет припеваючи, в лучших домах, с большими заработками, а трудящимся перепадают крохи». Он с возмущением писал: советские бюрократы «уравнения боятся хуже капиталистов. Вышли из среды трудового народа, получив свое образование и профессии бесплатно, тогда как другие работали на них. Разве это социализм?!»³⁴

Характеризуя российскую эмиграцию, следует отметить, что далеко не вся она по своим взглядам относилась к антикоммунистам. В Аргентине, Бразилии, Канаде, США очень многочисленными были подобные Д. Горбачевичу трудовые эмигранты (уехавшие на заработки из Российской империи, Польши 1920–1930-х гг.) и их потомки. В массе своей, являясь бывшими крестьянами, они часто иначе относились к своей Родине, чем эмигранты из Советской России и СССР. Многие из них после войны приняли советское гражданство (оставаясь за рубежом), активно сотрудничали с дипломатическими представительствами СССР. Их организации нередко сотрудничали с прессой советской ассоциации «Родина», которая, ориентируясь на информацию корреспондентов АПН, не писала о проблемах экономики СССР, а освещала исключительно ее достижения: строительство БАМа, рост добычи нефти в Западной Сибири в 1970-е гг. и т. д.³⁵

Если «просоветская» эмиграция замалчивала негативные явления в советском обществе, то односторонность подхода многих антикоммунистов состояла в полном отрицании реформаторского потенциала правящего слоя СССР. Более того, среди них было распространено мнение, что руководству СССР выгодно кризис-

ное положение в экономике, сложившееся к середине 1980-х гг.: «Русский народ для того и порабощен коммунизмом, для того и отдан ему на растерзание, чтобы постоянно находиться в состоянии нищеты, голода и страха, душевной растерянности, безволия и полного бессилия во всем и всегда». Все экономические реформы, проводившиеся советским руководством, изображались как «хорошо продуманное паясничество, валяние дурака»³⁶.

Несмотря на то, что многие эмигранты, анализировавшие состояние советской экономики, сосредоточивались на ее проблемах, нередко забывая о достижениях, использование их работ необходимо для создания более полного представления о социально-экономическом развитии СССР середины 1940-х–середины 1980-х гг. Опираясь нередко на те же источники, используя советские статистические документы, эмигранты приходили к выводам, которые впоследствии стали доминировать в отечественной историографии. И если многие положения их работ были вызваны политическими соображениями, то встречались и труды, где заметно искреннее желание авторов понять советских людей, не отождествляя их с установившимся в СССР режимом.

¹ См.: *Шварц С.* На пороге новой пятилетки // Соц. вестн. Нью-Йорк, 1951. № 2. С. 28.

² См.: *Абрамович Р.* Об основном // Соц. вестн. 1950. № 6. С. 109.

³ См.: *Шварц С.* Урожай 1947 г. // Соц. вестн. 1947. № 11. С. 211.

⁴ См.: *Шварц С.* Страшная реформа // Соц. вестн. 1950. № 8–9. С. 155.

⁵ См.: *Тягов Я.* Об укрупнении колхозов // Народная правда. Париж, 1951. № 17–18. С. 14–15.

⁶ См.: *Безнин М. А., Димони Т. М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отеч. история. 1999. № 3. С. 81–99.

⁷ *Врага Р.* После Сталина // Возрождение. Париж, 1953. № 2. С. 195.

⁸ См.: Там же. С. 185.

⁹ См.: *Шварц С.* Об уровне заработной платы в СССР // Соц. вестн. 1950. № 1–2. С. 14; *Он же.* О хлебе // Там же. № 6. С. 103.

¹⁰ См.: *Шварц С.* Денежная реформа и отмена карточек // Соц. вестн. 1947. № 12. С. 228–229.

¹¹ *Шварц С.* Урожай 1947 г. С. 211.

¹² См.: *Натов А.* Сберегательное дело и сберкассы в СССР // Народная правда. 1951. № 17–18. С. 16.

¹³ См.: *Николаевский Б. И.* Первые итоги съезда КПСС // Русская мысль. Париж, 1959. 17 февр.

¹⁴ См.: *Безнин М. А.* Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // *Отеч. история.* 1992. № 3. С. 16–29.

¹⁵ См.: *Михалевский П.* Усиление эксплуатации // *Русская мысль.* 1959. 6 июня; *Угрюмов А.* «Безналоговое государство» // Там же. 21 февр.

¹⁶ См.: *Мазур Л. Н.* Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала в первой половине 60-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992. С. 18.

¹⁷ См.: *Безнин М. А.* Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. С. 22.

¹⁸ См.: *Михалевский П.* Усиление эксплуатации.

¹⁹ См.: *Натов А. И.* Советское сельское хозяйство на пороге 1960 г. // *Свобода.* Мюнхен, 1960. № 1. С. 7.

²⁰ См.: *Байкалов А.* Что же дальше? // *Часовой.* Брюссель, 1955. № 351. С. 3.

²¹ *Allin D. H.* Cold War illusions: America, Europe and Soviet power, 1969–1989. N. Y., 1994. P. 144.

²² См.: *Бариц И.* О науке и технике в СССР // *Свобода.* 1959. № 3. С. 5–8; *Натов А. И.* Каучуковые формулы // Там же. С. 17.

²³ См.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (БФРЗ). Ф. 2. М-224. Л. 74.

²⁴ См.: *Марин Ю.* XXI съезд КПСС // *Свобода.* 1959. № 3. С. 16; *Рус. мысль.* 1959. 14 февр.

²⁵ См.: *Михалевский П.* Обкрадывание народа // *Рус. мысль.* 1959. 13 янв.

²⁶ См.: *Владимирский вестник.* Сан-Паулу, 1958. № 73. С. 5.

²⁷ См.: БФРЗ. Ф. 2. М-224. Л. 79.

²⁸ См.: Там же. М-63. Л. 1.

²⁹ См.: *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 345.

³⁰ БФРЗ. Ф. 2. М-173. Л. 1–8.

³¹ Там же. Ф. 1. Е-15. Л. 2.

³² *Горбачевич Д.* Два месяца в гостях у колхозников (Заметки американского туриста). Нью-Йорк, 1967. С. 14–23.

³³ Там же. С. 26, 102, 129.

³⁴ Там же. С. 28, 77.

³⁵ См.: *Родной голос.* Буэнос-Айрес, 1979. № 2. С. 1–2.

³⁶ *Русская жизнь.* Сан-Франциско, 1984. 10 марта.